

Меня вывели в большой зал, чем-то похожий на современный советский кинотеатр или большой дом культуры, вроде бывшего кинотеатра «Россия» на Пушкинской площади. Хорошо еще, балкона с бельэтажем не было. Но зал весь оказался заполнен, до отказа. Ни одного свободного места. И это было, конечно, ужасно неудобно, потому что был я совершенно голым.

При моем появлении по залу прошел шумок, но никто, естественно, не зааплодировал – да я и не ждал никаких оваций.

Меня усадили прямо посреди сцены на колючий и неудобный стул. Его сиденье было из кожзамителя, поэтому прилипало к голой коже.

В зале вроде бы не было знакомых лиц. Сидевшие в первом ряду две девушки обменялись между собой усмешливыми замечаниями – возможно, по поводу моих скромных статей. У меня и впрямь все скукожилось, да еще и холодно было, из какой-то дыры все время поддувало. Я постарался усесть так, чтобы прикрыться, хотя бы ляжками, от посторонних взглядов. Кисти рук мне привязали кожаными ремешками к деревянным поручням кресла. Крайне неудобно, и морально, и физически, было так сидеть голеньким на виду у всего зала.

Откуда-то раздался голос, монотонный, тихий и усталый:

– Слушается дело номер двенадцать миллиардов сто двадцать три миллиона... Впрочем, порядковый номер является конфиденциальной информацией... В деле имеется эпизодов... Э-э, точное количество эпизодов также является закрытыми данными и может быть изменено, добавлено или исключено в ходе процесса. Итак, эпизод первый. Оскорбление действием, насилие. Нарушение статьи о почитании старших. Подсудимый в возрасте четырех с половиной лет третировал свою прабабушку, оставленную за ним присматривать, оскорблял ее и даже бил. Обладая ограниченной подвижностью, женщина не могла защититься и только молила о пощаде. Так продолжалось несколько часов, пока не пришли родители.

– Вызваны ли свидетели по делу? – прозвучал другой голос, низкий, глубокий – явно голос Главного.

– Прабабушка героя от показаний отказалась, ссылаясь на поправку, позволяющую не свидетельствовать против прямых родственников.

«Бабушка, – растроганно подумал я. – Ты опять меня спасаешь».

– Тогда заслушаем подсудимого.

– Протестую! – На авансцену откуда-то вспрыгнул молодой человек, до чрезвычайности модно и импозантно одетый, в дорожном костюме и туфлях,

в эффектной галстук и с платочком в наружном кармане.

Лицо его украшала небольшая стильная борода. Внешне он напоминал актера Аль Пачино – но не нынешнего, восьмидесятилетнего, а молодого, времен «Крестного отца». Адвокат, сразу понял я. Он стал бурно выступать, прямо с места в карьер.

- Прошу вообще исключить эпизод из рассмотрения! Как справедливо разъяснялось специальным определением высокого суда, ни один подсудимый не несет ответственности за свои деяния до первого причастия, или – в случае, если он по каким-то причинам не принимал причастия, – до того возраста, когда в соответствующей конфессии его положено вкушать. В нашем случае это семь лет, и возраст подсудимого во время инкриминируемого ему деяния совершенно явно до него не дотягивает. Прошу исключить эпизод!
- Принимается! – раздался глубокий бархатный голос из выси. – Случай первый из рассмотрения дела исключается.

Адвокат удовлетворенно, сценически развел руками и подмигнул мне: мол, смотри, каков я! Держись меня, приятель, и мы их всех разнесем!

Снова зазвучал первый, невидимый торопливый и равнодушный голос – судя по всему, секретаря:

- Слушается эпизод номер два. В возрасте одиннадцати лет подсудимый толкнул девочку, сидевшую на перилах беседки. Девочка упала с большой высоты и сломала руку: двойной перелом лучевой кости со смещением. Статья о насилии, закончившемся членовредительством. Подсудимая присутствует в зале?
- Да! – На авансцену к небольшой трибунке вышла женщина, которую я совершенно не помнил: уже совсем не девочка и даже далеко не молодая, с бесконечно усталым лицом.
- Опишите, пожалуйста, ситуацию и меру своих страданий, – спросил ее откуда-то сверху глас секретаря.
- Было очень неожиданно и больно, – пожаловалась женщина, поглаживая руку. – Вдруг я лечу на асфальт с большой высоты. Потом я долго лечилась. А этот, – она кивнула на меня, – все твердил, что сделал все нечаянно. Хотя это явное вранье.
- Вы простили подсудимого?
- Н-не знаю. Не думаю, что простила. Вряд ли простила.
- Подсудимый! Что вы можете сказать в свое оправдание?

Ко мне быстро подбежал адвокат и скоро зашептал: «Соврите им что-нибудь. Обычно хорошо

идет про любовь. Любовь для них вообще – ключевое слово, они от него млеют. Скажите, что у вас к этой девочке зарождалось тогда первое, трепетное чувство и вы таким образом хотели к себе ее внимание привлечь. Только с сексуальной составляющей не переборщите, всего в меру».

Он отскочил, и я понял, что весь огромный зал теперь смотрит на меня и ждет моего слова.

- Я виноват, – пробормотал я. – Я просто был молодой дурак и ни о чем не думал. Прости меня, Ира, – откуда-то вспомнилось прочно забытое имя девочки, и слезы непроизвольно потекли по моему лицу.

Свидетельница со своего места посмотрела на меня с жалостью.

- Итак, мы видим, – тут же вклинился бойкий адвокат, – что происшедшее можно трактовать как простую случайность, полное отсутствие злого умысла, а такие эпизоды, по определению высокого суда, из рассмотрения исключаются.
- Ты прощаешь его, Ира? – раздался громовой и бархатный голос сверху, и в зале вдруг зазвучала тревожно-бравурная музыка, словно в телевизионной судебной передаче-реконструкции.
- Да, – тихонько произнесла она.
- Громче, пожалуйста!
- Да, прощаю.

Снова бравурный аккорд. В зале кое-кто зааплодировал.

- Ввиду прощения потерпевшей данный эпизод из дела предлагается исключить, – прокомментировал невидимый секретарь.

После раздумчивой паузы, во время которой опять слышалась волнующая, тревожная химическая музыка, вдруг прогудел сверху голос судьи:

- Эпизод исключается.

Ко мне подскочил адвокат и потрепал меня по голому плечу.

- Тьфу-тьфу-тьфу, хорошо идем! Они уже по двум эпизодам обломались.
- Эпизод третий. – Секретарь не унимался. – Неоднократная, в цинической и особо цинической форме хула на Господа нашего. Неоднократное произнесение имени его всуе. Рассказывание неприглядных и непроизносимых анекдотов, то есть злостное и неоднократное нарушение заповедей первой и третьей. Ввиду многократности вины, а также ее распределенности во времени и пространстве и отсутствия прямых пострадавших предлагается свидетелей по каждому из данных эпизодов не вызывать. Если подсудимый будет отрицать, перейдем к конкретному рас-

смотрению каждого эпизода и соответствующим доказательствам.

– Принимается, – прозвучал глубокий и бархатный голос.

– Слово адвокату.

Защитник поклонился публике.

– Я неоднократно заявлял с этой трибуны, что за прижизненные преступления следует судить по законам той эпохи, времени и общества, в которой гражданин проживал. Никто не виноват, и менее всего сам подсудимый, что выдалось ему жить и расти в атеистическое время, в атеистическом государстве. Всяческое уважение к так называемому божественному промыслу в живших там и тогда гражданах искоренялось на уровне обычаев, обрядов, общей культуры. Вы посмотрите хотя бы некоторые эпизоды тех кинофильмов, на которых рос и воспитывался мой подзащитный. Взять, к примеру, киноленту «Бриллиантовая рука» и тот момент, когда герой Андрея Миронова пародирует под звуки церковного хора евангельское как бы чудо с хождением по водам. Или киноленту того же режиссера под названием «Двенадцать стульев» и острокомедийный образ священника, отца Федора. Поэтому нет ничего удивительного в том, что человек, воспитываясь в обществе безбожников, и вырос таковым – безбожным. И первую вашу с третьей заповеди – да, нарушал! Но судить его за это – безнравственно!

Речь стряпчего имела успех. В зале одобрительно загудели, а кое-кто даже захлопал. Чувствовалось, эта тема близка зрителям, находит в них живейший отклик.

– К чести моего подзащитного, следует заметить, что с течением времени он сумел осознать свои юношеские ошибки и заблуждения, преодолеть их и совершенно перестать грешить против заповедей первой и третьей, а именно, соответственно: почитай Господа и не поминай Его имени всуе.

– Ваши аргументы рассматриваются. – Пауза. – Эпизоды из дела снимаются, – прозвучал с небес все тот же глубокий голос Главного.

Мой присяжный поверенный сделал победительный жест – как волейболист, забивший важное очко, – потряс кулаком.

– Три ноль в нашу пользу, – шепнул он мне.

Меж тем сидеть мне становилось все более и более неудобно. Откуда-то все дуло и дуло холодом, спинка врезалась в кожу, привязанные руки мешали почесаться. А главное, ужасно было чувствовать себя голеньким на глазах у всех.

– Эпизод четвертый, – проговорил невидимый секретарь. – В возрасте четырнадцати лет подсудимый украл у своего одноклассника книгу из серии «Библиотека фантастики», том седьмой. В дальнейшемотяготил ситуацию враньем. Выдрал из книги содержимое, оставил себе, а в обложку «Библиотеки фантастики» вставил книгу Аркадия Первенцева «Честь смолоду» и в таком виде вернул товарищу. Будучи разоблаченным юлил, вилял. Пытался свалить вину на своего лучшего друга.

В зале загудели. Начиналось, как зрителям показалось, нечто интересное. Хоть какая-то движуха, конфликт – а то скукота: непристойные разговоры да сломанная рука. Мне же было дико стыдно, и я изнутри будто покрывался невидимой, красной и жгущей корочкой.

– Заслушаем потерпевшего, – произнес секретарь.

На кафедру взшел господинчик, на вид мне совершенно не знакомый. Однако повадки его, жесты, строй речи чем-то мучительно напоминали все-таки того самого парня, у которого я в восьмом классе увел книжку. Я даже помнил его фамилию: Капцов, Паша Капцов.

– Чего я хочу вам сказать, дорогие товарищи присяжные, – гнида он. Такая, понимаешь, интеллигенция, элита. Думал, мы тут все чушки, лошки, что книжки не читаем, даже не открываем. Первенцева от Стругацких отличить не можем. Подонок он, и нет от меня ему прощения, гореть ему в аду. Тьфу! – Свидетель натурально плюнул в мою сторону и сошел с кафедры. Зал зашумел – кто одобрительно, кто негодуяще.

– Однако в этом эпизоде есть и еще одна пострадавшая сторона, – интригующим голосом телеведущего проговорил невидимый голос секретаря-распорядителя. – А именно лучший друг нашего подсудимого!

И тогда на кафедру взшел мой лучший кореш – конечно, я бы его без специального представления не узнал: другое тело, лицо, прическа. Но когда сказали, что он – это он, я все больше и больше стал узнавать его. Боже мой, Ванька. Слезы хлынули у меня из глаз.

– Скажите, свидетель, – спросил ведущий, – а вы простили подсудимого? Прощаете его сейчас?

– О чем вы говорите! – отрезал мой дружан. – Конечно! Ну, конечно же, прощаю! – И сделал мне жест: мол, держись, дорогой, я с тобой. И сошел с кафедры.

А я так рад был увидеть его, что приободрился, и вся неопределенность суда стала меня меньше

мучить. Я плакал от стыда и радости и не мог даже никак стереть слез, и они засыхали на щеках, превращаясь в соленые дорожки.

- Слово адвокату, – напомнил секретарь.
- О чем мы вообще тут говорим! – развел руками мой защитник. – Книжка! Подумаешь, книжка! Да уж, сильно пострадала земля наша русская и небо наше от половцев и печенегов – и вот теперь книжка! Плюнуть на нее! Плюнуть, как справедливо заявлял первый пострадавший. Но не в обвиняемого! А в это дело! Плюнуть и забыть!

Он поклонился и отошел под гром оваций. Все-таки мой стряпчий явно был среди здешней публики любимчиком. Он обернулся ко мне и вполголоса посоветовал:

- Кайся, но не пересаливай. Держись моей линии: подумаешь, книжка – тьфу!
- Но я произнес:
- Дорогие друзья, мне очень стыдно. И я очень, очень перед вами раскаиваюсь. Простите мне, пожалуйста!

Гримаска злобы прошла по лицу присяжного поверенного, он шепнул:

- Слишком, слишком, не пересаливай, совсем ниц-то не падай, гордость тоже ведь надо иметь, чересчур униженных тут не любят.

Секретарь пояснил:

- Суд удаляется на совещание.

И опять – тревожная, химическая музыка из второразрядного телешоу, а потом, наконец, бархатный голос Главного провозгласил:

- Учитывая непростительное подсудимого одним из потерпевших, обвиняемый признается частично виновным.

Секретарь подхватил:

- Объявляется перерыв.

Зрители стали потихонечку подниматься со своих мест, прогуливаться в проходах. Кивать друг другу, приветствовать знакомых. Меня никто не освободил, и мне ничего не оставалось, как сидеть привязанным.

- Видишь, дружище, – бросился ко мне адвокат. – Из четырех эпизодов три с половиной отбили, всего половинку тебе вменили, из-за того жлоба. Давай я слезки тебе утру, а то ведь чешется, поди. Ты не кручинься. Первый день, я считаю, прошел неплохо. Но мы ведь только в самом начале. Мелочовка пока сплошная, только до пубертатного периода добрались, до четырнадцати твоих лет. Какие там грехи! Дальше, конечно, пойдет поинтересней. Особенно когда нарушение седьмой заповеди. О, у нас тут пыль столбом обычно стоит.

Чистый Колизей! Бывает, жены в лица любовникам и девкам всяким вцепляются. Публика это любит.

- А что потом-то? В итоге всего процесса? – напряженно спросил я его. – Какой результат? Котлы кипящие? Сковороды огненные?
- Ой, да какие котлы! Вот так посидеть здесь, на виду, – это ведь уже само по себе наказание. А ведь иные так и год сидят, и три, и десять лет. Времени-то у нас у всех впереди – целая вечность. Поэтому не печалься: я теперь вместе с тобой надолго. – И он снова мило улыбнулся своей обворожительной улыбкой: – Как говорит-ся, добро пожаловать в ад, дружище!

